

18+

Кирилл Тиунов

Плот самый Нематрос

Кирилл Тиунов

Тот самый Нематрос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73554108

ISBN 9785006954656

Аннотация

Да, здесь есть нецензурная брань. Можно отыскать и пошлость, надеюсь, оправданную сюжетом. Но в каждом рассказе есть жизнь, есть пульс, есть нерв. Все основные рассказы Нематроса под одной обложкой. Публикации: Сборник победителей конкурса «Лето нашего двора» от Литрес (рассказ «Мыш»). Сборник «Антология русской литературы XXI века» №10/2024 Перископ-Волга (рассказы «Ленинградское время», «Мыш»). Литературный альманах «Питер» №2/2024 от Русского лит. центра (рассказ «Ленинградское время»). Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Генерал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тот самый Нематрос

Кирилл Тиунов

© Кирилл Тиунов, 2026

ISBN 978-5-0069-5465-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Генерал

Что есть свобода? Курить голым на балконе, болтая членом навстречу просыпающемуся городу? Менять машины, прописку и прочие жизненные обстоятельства, когда вздувается? Не подчиняться ничьим приказам? Если последнее, то я добровольно выбрал несвободу.

– Фамилия? – спросила она, не поднимая глаз.

– Так у вас же там все написано, – показал я на медицинскую книжку.

Повернулась ко мне, внимательно осматривая поверх очков. Умных тут не любят, похоже.

Тысяча девятьсот девяносто девятый. Мне шестнадцать, и я поступил в военное училище. Но это было давно, месяца четыре назад, а сейчас я в госпитале. Кожно-венерологическое отделение, и я тут не с венерологией. От резкой перемены климата и очень высокой влажности любая рана начинала гнить, и даже простые царапины превращались в мучение.

– Давай-ка, подлечись, сынок, – по-отечески похлопал меня по плечу взводный, – это, кстати, не сифилис у тебя?

То ли он из нас двоих никогда не болел сифилисом, то ли я, но представления о нём у нас были разные.

Еще через два часа я сдал в приемной свою прекрасную синюю робишку и почти удобные прогары, и облачился в се-

ро-коричневую неопределенного покроя мерзость с белой оторочкой и тапочки, получив заряд безысходности в качестве аксессуара. Все пациенты госпиталя походили на говняных Йоулупукки, бесцельно бродящих в унылых пейзажах декабрьского Краснодара.

А теперь вот неприветливая медсестра всучила мне постельное бельё и отправила зачехлять матрац в палату номер шесть.

– Эй, сюда иди! – произнёс кто-то. Обернулся на голос, внимательно изучил его хозяина. Крупнее среднего телосложения, скуднее среднего ума, как мне тогда показалось. Этот с вежливостью в ещё более дальнем родстве, чем медсестра. Лицо красное и щербатое, как глобус Марса в миниатюре.

Подумалось, если не отвечать, и вообще не обозначать, что я его заметил, он отвлечется на что-нибудь другое и забудет про меня. Не вышло.

– Слышь, дурак! – перефразировал он обращение. – Сюда подошел!

Назревала полемика, а я не был к ней готов. Надо сказать, что выглядел я тогда на восемьдесят восемь (шестнадцать лет плюс семьдесят два килограмма), а мой оппонент к интеллектуальному противоборству (единственному, к слову, где у меня могли оказаться неплохие шансы) предрасположен не был.

Я медленно повернулся и с чувством собственного достоинства занял пассивную позицию. По-прежнему сидел

на шконке и методично заправлял одеяло в пододеяльник.

Он встал и сделал первый шаг. Вообще, я считаю первый шаг одним из самых прекрасных и волнующих событий в жизни, но только не тогда, когда его делает рябой дембель с целью тебя отпиздить.

Чувства были двоякими – с одной стороны очень не хотелось начинать первый день с недопонимания, а с другой – появилась какая-то злоба. Если ударит, буду отбиваться сколько хватит сил.

– Слышь, отвалил от малого!

Дверь открылась и вошел Олег. Тогда я не знал еще его имени, и мне просто показалось естественным, что на любое исчадь Мордора найдется свой Олег.

– А тебе какое дело? – резко изменил тон борзый. Вечером я выяснил, что он был старшиной отделения – должность сомнительная, но существующая. Его имя стерлось из памяти быстрее, чем ладони у малолетних онанистов.

– Тебя забыл спросить, – бросил Олег небрежно, и затем подошел уже ко мне. – Если будет наезжать, позови.

Олег вышел, и стало опять немного грустно. Я не был посвящен во внутреннюю кухню кожевнерологии, и не был уверен, что щербатый тут же не встанет и не попытается меня отмудохать. Представил, что если бы меня, старшину отделения, опустили на глазах вновь прибывшего пиздюка, мне бы не понравилось. Так и есть, щербатый поднялся с кровати.

– Ты по-хорошему не понимаешь, как я смотрю. – малень-

кими глазками он попытался выразить все свое презрение, но получалась какая-то пантомима «свиноматка на выгуле».

Дверь вновь распахнулась, и снова кстати. Вошел Олег и еще один больной в коричневом халате. Надо сказать, харизмой от второго не веяло.

– Короче, Шитиков, – обратился к нему Олег, – теперь это твой новый дом. Пошли, малой, – это уже мне, – забирай шмотки и в третью, к нам.

Шитиков опустил плечи и побрел к своей новой неудобной кровати. Мир не был справедлив, но то был редкий случай, когда я чертовски радовался этому.

Дважды повторять мне не пришлось.

Сисек у нее тогда не было, это чистая правда. Да и сейчас, спустя шестнадцать лет, вряд ли появились. Если только заботами пластических хирургов, но я давно ее не видел и не берусь судить. Но вот ноги были очень длинными, стройными, чудесными и заканчивались, если смотреть снизу вверх, прелестной задницей. Такой, за которой можно идти часами, не чувствуя усталости и не натирая мозолей (по крайней мере, на ногах). Ходила она взросло не по годам, виляя бедрами и сводя с ума всех. В ее-то пятнадцать.

А я, дурак, при такой жопе, влюбился в ее глаза. За то, как она смотрела из-под длинных ресниц, можно было про-

ститъ ей все. Только вот прощать было нечего, кроме того, что смотрела она не на меня. Мы существовали будто в разных мирах, сидели, свесив ноги, на двух параллельных прямых, которым никогда не суждено скреститься в точке.

Так было до прошлаго лета, вернее, до первой его трети (назовем ее – июнь, например). Я оформил официальный развод со школой, а она просто перепрыгнула из девятого в десятый. Через месяц мне предстояло пополнить ряды абитуры, и, если повезет, начать осваивать премудрости военно-морского и прочего бесполезного, как тогда казалось, искусства.

Совсем недавно на моих глазах, пусть и в телевизоре, МЮ и Бавария сочинили прекрасный финальный триллер, который я хорошо помню и сейчас спустя много лет. Тедди Шерингем и Уле-Гуннар Сульшер (мы вслед за комментатором называли его Сольскьяер) за три добавленные минуты нассали в баварский компот, оставив Лотара Маттеуса без заветной чашки под конец карьеры.

Вечерами мы, забыв про вступительные экзамены, собирались в беседках, «теремках» на детских площадках, порой просто на лавках, и пили теплую водку, рассовывая украинский сыр между балтийскими шпротами и уральским хлебом. И нам было хорошо. Теплый июньский ветерок обдавал нас тонким ароматом взрослой жизни.

– Где вы теперь, и с ке-е-е-ем? – изо всех сил старался я. С нами были Шевчук, Чиграков, Кинчев, Шахрин и мно-

го кто еще. Видавшая виды шестиструнная «трембита» для пьяных нас была сродни симфоническому оркестру. Сейчас с нами был Виктор Робертович, и он транслировал свои мысли моим пьяным, и оттого громким (мне тогда казалось – звонким, но это не одно и то же) голосом. Спасибо отзывчивым сокурсникам, которые год или два спустя, в ленкомнате открыли мне глаза на мой музыкальный талант.

Как выяснилось, из «калаша» по ростовым мишеням я попадал в разы лучше, чем изо рта в ноты.

– Кто хочет быть судьё-о-о-ой? – перебивал вечерних сверчков нестройный хор. Не прошло и двадцати минут с тех пор, как мы на спор залпом пили пиво. Только я, Костян, и две «сиськи» Очаковского по 2,25. Хмельная дуэль, где нет победителей и проигравших, а секунданты легко принимали участие в противостоянии (да-да, Костяну помогали в то время, когда я и Очаковское слились воедино, как Брахма и Шива, где-то на полпути потерявшие Вишну). Я выиграл тогда, не зная, правда, какие бывают последствия от мгновенного поглощения пива.

– Кто помнит все имена-а-а-а-а?.. – дрожжи наполняли мое сознание, и я точно не был тем, кто помнит. Причем, даже следующий аккорд.

Кто-то сел рядом. Я был пьян и увлечен, потому ощутил лишь, что это человек с упругими и в меру мягкими бедрами. Хотел уебать грифом наглеца, мол, личное пространство музыканта и все такое, но решил повременить.

Песня была допета, и, не кривя душой, скажу, что в тот раз было одно из лучших исполнений. Я выложился, как чуть позже выложится Билан на Евровидении, и даже вспотел немного.

– Ты классно играешь, – сказала она. Да, это было неожиданно, но голос принадлежал Марине, которая в свою очередь сидела рядом со мной и терлась своей ляжкой о мою. Я бы покраснел, если б не был так пьян – слишком много пива разом в слишком маленьком человеке. Она не сказала «ты классно поешь», видимо, не могла кривить душой, но мне было наплевать.

– Спасибо. – Я повернулся к ней. Спасибо можно было сказать и проектировщикам детских площадок за маленькие тесные лавки, предназначенные для дошкольных поп – наши лица были на расстоянии макросъемки, и родись мы где-нибудь в Тбилиси, наверняка терлись бы носами.

Дальше я помню смутно, мы что-то пели, передавая гитару по кругу. Я вещал заунывным голосом про 10 капель, потом тянул гласные, как сопли, про то, что выхода нет, а Марина положила мне голову на плечо, и я играл очень аккуратно, перебором, и даже думал о всяком отстраненном, чтоб не возбудиться случайно и не потревожить ее.

– Мне пора, – сказала она через полчаса или около того.

– Провожу? – спросил я, и тут же поправился, – провожу!

В тот момент я сначала жалел, что городок маленький – всего шесть пятиэтажек – и в любую точку можно прийти

за несколько минут, но потом захотел ссать, и даже обрадовался его компактности. Ссать при Марине не хотелось, а в принципе – очень, еле терпел.

– Я тебе нравлюсь? – по дороге спросила она.

– Угу, – промычал я. Теперь мне становилось совсем хмельно, хотелось вывалить аккуратной кучкой и шпроты, и сыр, и хлеб. Марине бы не понравилась такая композиция на асфальте, даже если бы я умудрился сложить из неё сердечко.

– Это хорошо, – как-то наивно и по-детски ответила она, – ты славный, но на меня не обращаешь внимания.

Я хотел было ответить, что просто ссу, а так бы вдул хоть сейчас, однако, решил напустить загадочности и промолчать. Мы пришли к ее подъезду, и я пожалел, что вдрызг пьян и очень хочу в туалет. Было бы здорово посидеть на лавочке, закрепить знакомство, но даже при текущем раскладе эйфория накрывала меня. Мы сделаем все это завтра. Днем можно просто погулять, а вечером погулять как следует. Ни про какой секс я не думал, не хотелось так сразу приземлить зарождающееся волшебство.

Она закусила губу. Для пьяного меня это было сигналом, и я поцеловал ее. Она ответила. Тогда я понял, как же сильно могут различаться поцелуи – делать это с человеком, которого любишь, восхитительно. Такой поцелуй у меня был впервые.

А потом она ушла, помахав мне рукой. Я поссал тут же,

у дерева, и побрел домой.

Следующим утром она уехала к бабушке на все лето.

Всю ночь капли барабанили в жестяной козырек подоконника, и утро выдалось непримечательным и каким-то мерзким. Пасмурно и сыро снаружи, сухо и ветрено внутри.

Дело было после завтрака – мы разобрали свои таблетки, ютившиеся, словно заключенные в лотке, разделенные фанерными скрещенными переборками. Мне достались две красных и белая.

Делать было нечего – начальник отделения был на совещании, а без его первичного осмотра мне никаких процедур не назначали. Я и таблетки не хотел пить, особенно красные. Вдруг он придет и посмотрев на меня, скажет:

– Ну, тут все понятно – главное, никаких красных таблеток не давать.

И медсестры зашушукаются, тыкая друг в друга пальцами, а потом с тихой грустью перекрестят мою спину.

Пока все разошлись прогреваться, массажироваться и ультразвучиться, я направился в библиотеку. Больше двух книг на одно лицо было не положено, я взял Пикуля «Моонзунд» и «Крейсера». Пришлось даже пособачиться – в козвен книги не давали. «Сифилитики, а туда же – окультуриваться!»

Когда вернулся, медсестры передавали дежурство. Заметил, что вновь заступившая (она стояла спиной) имела хорошую фигуру и ухоженные волосы. Это радовало, особенно на контрасте со вчерашней грымзой.

Полчаса меня никто не трогал – я валялся на кровати, погруженный в чтение. Дверь открылась, и я, не оборачиваясь ждал, когда старшина (кроме него вряд ли кто-то мог быть) скажет «эй бя!» или «ты бя!» или «ну чё, бя?»

Вместо этого кто-то назвал мою фамилию, вопросительно и женским голосом.

– Буханкин!

Я обернулся. Онемел.

Это была Марина. Говорить ничего не хотелось, да и не могло. Я просто смотрел на нее, не веря. Будь она моим ротным, у нее не оставалось бы выбора кроме как сказать «И хуле ты лыбишься, дебил?»

Но она, видимо, никогда в жизни не командовала ротой, потому даже смутилась немного. Мне понадобилось секунд десять, чтоб понять, что никакая это не Марина. Но как похожа!

– Да, да, это я, – пришел в себя.

– Пойдем, – сказала она, и у меня не нашлось возражений. Она отвела меня к начальнику отделения. Тот осмотрел, периодически цокал языком и крутил ус. Я в распрекраснейшем настроении даже пытался пару раз пошутить, но мой юмор пришелся ему не по душе. Да и любой юмор, как я по-

том выяснил. Да и никто ему не был по душе, злобному Аскольдовичу, насмотревшемуся хуёв за свою жизнь.

До столовой приходилось ходить метров двести по территории. Правда, давали там такую гадость, что эта двухсотметровка казалась самой бесполезной в жизни. Кинг бы назвал этот маршрут Зелёной милей.

После обеда попытался следить за злоключениями Панавидина на палубе «Рюрика» под проливным японским огнем, но получалось так себе. Все время тянуло на пост медсестры, ведь там ждала моя Марина. Потом осекал себя, что никакая она не Марина, но глаза-то видели, и передавали знакомую картинку в мозг. Ее звали Настя, и ждала она меня не больше, чем месячных. Но когда вам шестнадцать, и вы влюблены...

– Пойдем! – заглянула в палату Настя. Вечер, начало десятого, а потому предложение интриговало.

– Конечно, пойдем! – обрадовался Олег.

– Ты куда хочешь иди, – отмахнулась Настя, – мне ваш юнга нужен.

Это было хорошо, правильно, что я ей нужен. Зачем только?

Выяснилось быстро, как спустились на половину пролёта вниз по лестнице. Помещение не подразумевало двоякого

толкования – кафель на полу и стенах, кушетка, ванна, унитаз. Такое укромное место, где люди готовятся к операциям, бреют себе всё, что подлежит обриванию.

– Сам справишься? – спросила она.

Хрен его знает, с чем надо было справляться. Хорошо бы с ней, тогда да, помощники не нужны.

– Попробую, – неопределённо пожал плечами я. – Раздеться?

Хотелось расставить точки хоть над чем-нибудь.

– Давай, я выйду сначала, – предложила Настя. – Клизма – вот. Ключ оставляю, как закончишь, закрывай. Потом в сестринскую занесёшь.

Я почувствовал себя вкладчиком МММ, которому обещали золотые горы, а на выходе предлагают самостоятельно накачать себя водой через жопу.

С другой стороны, начинать отношения с того, что она мне будет что-то вставлять в задницу, тоже не хотелось.

– А давай лучше я тебе клизму поставлю?.. – перевел разговор в деловое русло. Я вообще, переговорщик серьёзный, да и чем чёрт не шутит.

– Придурок! – фыркнула она, хлопнув дверью. Я выждал минуту, может, передумает.

Она не передумала, а я вспомнил, как утром доктор говорил что-то про фиброгастрокакойтотамшланг, который мне завтра глотать или наоборот, поэтому вечером надлежало почистить желудок и кишечник.

Вечерняя поверка прошла без происшествий и без меня.
– Я ключ принес.

Настя сидела на посту, заполняла журнал. Ее грудь устало лежала на столе. Настольная лампа напоминала прожектор или рампу, освещающую пост, будто декорации на сцене, среди которых играла свою роль самая красивая медсестра, главная героиня моего юношеского гормонального спектакля. Так мне казалось из темного коридора, зрительного зала на одну персону.

Она, не поднимая головы, вытянула руку в мою сторону. Стало как-то грустно – так не поступают с такими классными парнями, как я. Захотелось расстегнуть ширинку и вложить в протянутую руку член.

Решил оставить на потом такой неожиданный ход, в качестве козыря, и вернул ключ.

– Спокойной ночи! – произнес я и зашаркал в палату. Вот сучка, думает, что слишком хороша для того, чтоб просто ответить.

– Чаю хочешь?

Огромным усилием воли я удержался от того, чтоб развернуться, запрыгать и заорать «Конечно, блядь, хочу!» Я ликовал. Последний раз я так хотел чаю, когда лет в двенадцать в лесу сломал лыжи в десяти километрах от дома, и шуровал пешком по сугробам, чуть не отморозив руки и прочие атрибуты человека.

– С лимоном? – повернулся.

– Ну хочешь, с лимоном сделаю, – вдруг улыбнулась она. Так душевно и исключительно мне.

– Хочу, – сказал я.

Мы болтали, как старые приятели. Я узнал, что муж ушел от нее полгода назад, а ребенок, трёхлетний паразит, совсем от рук отбился, и живут они в двушке с мамой, которая из трудов по психологии читала только «Мозгоёбство, как самоцель». Ей было двадцать семь, а мне шестнадцать. Она была настоящей женщиной, которую я очень хотел, внезапно, бескорыстно и прямо сейчас. Она смеялась над моими шутками (не то, что Аскольдович, сука), и однажды ненароком накрыла мою ладонь своей, правда почти сразу убрала.

К шестнадцати годам я имел хоть и скудный, но багаж отношений с противоположным полом. Первая, Галя, училась на год младше, была симпатичной, из хорошей семьи, но в душе её неокрепшей доминировал ген блядства. Возможно, от бабушки достался. Она спала со всеми, кого я знал. Если короткий послеобеденный перепих в ее квартире можно было назвать сном. У нас это случилось раз десять, и каждый раз, когда я одевался, она спрашивала, почему я с ней не гуляю. Ответить честно не позволяла врожденная тактичность, а врать я не хотел. Приходилось мычать что-нибудь невнятное и уходить. Вторая, Даша, была полной противоположностью – скромная, отличница, девственница. Огорчало только, что вся ее красота ушла на фигуру, потому лицо напоминало стручок фасоли на закате. Трахаться с ней

было здорово, строить отношения – нет. Фундамент слабый. В первый раз она краснела, стеснялась, закрывала писю руками, когда раздевалась, и выключила свет. Через неделю кричала, чтоб ебал ее еще жёстче и обязательно кончил на лицо. Кончать на ее лицо было равносильно уничтожению инопланетных насекомых из бластера, как в «Звездном десанте». Так проходил процесс взросления. Мы с ней тоже не гуляли, но она писала мне письма в училище, на которые я постепенно перестал отвечать. Начиная с первого.

И вот теперь – другой уровень. Это не танцы с бубнами угловатых подростков, это настоящая женщина, и мне ничего не светило.

Перед сном решил отлить.

Гальяон встретил запахами хлорки и мочи. И посреди этого великолепия курили сёстры Зайцевы. Они были близнецами неприятной наружности – черные волосы, щетина, мясистые уши и рыбы глаза. Тогда не было тренда на бородатых женщин, но сёстры Зайцевы были натурально бородатыми младенцами. Их звали то ли Витя и Петя, то ли похуй как. Они были неприятными и крепкими ребятами, но глядя в глаза бородатым пупсам трудно принимать их всерьез.

– Ты не охуел ли, придурок? – спросил меня один из сестер, – Настьку клеишь, молокосос?

Он так сказал «Настьку», типа она его женщина, и он застукал нас за чем-то непристойным на деревенской дискотеке.

Ночью в туалете, да еще вдвоём, они были чертовски отважными, а я – наоборот. Вообще, той осенью в коженерологии мне не попадалось равнодушных людей.

Витя (а может, Петя) сделал шаг ко мне и попытался схватить за ворот. Это должно было усилить вопрошающие интонации в его голосе. Я оттолкнул его, но тут же получил болезненный удар от второго, Пети (или Вити) в область правой почки. Это сейчас я понимаю, что бил он, как женщина, но тогда мне было больно, что пришлось согнуться. Как я забыл о том, что если ночью в сортире разговариваешь с двумя людьми, то и следить надо за обоими? Но так или иначе, я пропустил его аргумент. Я вообще тогда был не очень внимателен.

– Понял меня? – задал он следующий вопрос, не дождав-
шись ответа на предыдущий. Я хотел сказать, что не понял, что у него что-то с дикцией, но говорить совсем не хотелось. Именно в тот момент я уяснил, что декларируемых ключевых ценностей между нами и НАТО – взаимоотношения и партнёрства – между мной и сестрами Зайцевыми скорее всего тоже не случится.

Дверь хлопнула, и я остался один. Даже странно – ушли, не попрощавшись. То ли кто-то спугнул, то ли они все дела бросали на половине. Я умыл лицо холодной водой.

За следующие три дня в голове все смешалось окончательно. Я любил Марину, стройную девочку, красивую и далёкую. Или я любил Настю, женщину, как две капли воды

похожую на мою любовь, близкую и недоступную?

Совсем рядом, на Северном Кавказе шла настоящая война. Тяжело раненные летели в Ростов, но и те, что поступали к нам, были живой иллюстрацией к этой милитари-книге ужасов в многих томах.

В клуб каждый день приезжали с концертами творческие коллективы со всего края – поддержать раненых бойцов. Они привозили с собой ништяки – соленья, закатки и прочую здоровую и вкусную еду. В столовой мы почти не ели, а после обеда топали на концерты, после которых несли в палаты дары, которых было гораздо больше, чем раненых, и потому хватало всем.

Настя заступила на дежурство в прекрасном расположении духа. Днём я все пытался разгадать её взгляд, постоянно попадался ей на глаза, а вечером, после отбоя пришел почитать книгу, мотивируя это единственным живым светом в отделении. И часа полтора я действительно читал, украдкой поглядывая на нее, а она все писала свои журналы. Даже чаю ни разу не предложила, и я уже собрался идти спать, сердитый, как чёрт.

Наконец посмотрела на меня хитро, словно оценивала. Затем взяла за руку и затащила в комнату сестры-хозяйки. Приставила палец к губам, и тихонько закрыла дверь на ключ. Свет тоже был под запретом. Вела за собой в другой конец комнаты, где у окна стояла кушетка.

– Только никаких минетов, – произнесла она, расстёгивая

свой халат. Моя тень на стене очень напоминала коряво собранного Буратино, да и мыслей в голове было, как в полене.

Настя уже снимала блузку, на очереди чулки. Соски топорщились в окружении коричневых ореолов. Таких красивых грудей я еще не видел. Захотелось ухватить одну из них, а лучше сразу обе, но я отставал в раздевании, потому рывком опустил больничные штаны вместе с трусами. Освободившийся член качнулся, как трамплин, с которого только что отправился в полет Саутин или Доброскок. Могли бы и оба, но я никогда не льстил себе насчёт длины трамплина.

Она откинулась на спину на кушетке, и я вошёл в неё, так и не сняв до конца штаны. Затем вышел и снова вошёл. Опять вышел и кончил. Конфузом можно назвать пердёж в общественном месте. Это же была катастрофа. Как если бы Терминатор в первом же доме нашел настоящую Сару Коннор и застрелил бы ее на пятой минуте фильма.

Мне было очень хорошо и очень стыдно. А вдруг это кастинг, и на мое место теперь возьмут более выносливого самца?

– Насть, я...

– Тссс! – она перебила меня. – Все хорошо. Только давай теперь мы будем делать это в презервативе. Я-то знаю, что ты не болееешь ничем – анализы пришли утром, но вот других последствий мне бы не хотелось.

Из всего этого я слышал только «...мы будем делать это...». Я ликовал. Настя продефилировала к умывальнику,

смыть с себя капли меня. Чулки она так и не сняла, и я сидел на кушетке, любуясь ее формами. Девичья попка Марины была прелестных форм, но голая женская жопа Насти была в тот момент совершенной фигурой, как круг, например, или, точнее, два круга.

Закипел чайник, и мы сидели, попивая горячий чай. Наглая луна светила в окно, то ли насмехаясь, то ли завидуя. Чем удобно чаепитие в неглиже – сразу видно, когда можно его заканчивать. В моей кружке еще немало плескалось, а Настя вообще успела сделать несколько глотков, но все поняла без слов. Вытащила презервативы из какого-то настенного шкафчика, и самостоятельно нарядила меня в обновку. Гондон был с усиками, и член теперь напоминал безрукого викинга (а может, Безрукова-викинга).

Я так и сидел на кушетке с кружкой чая. Настя села на меня, и теперь моя голова и ее сиськи напоминали детскую погремушку-треугольник. При каждом ее движении они лупили меня по щекам, и казалось, подпрыгни она чуть выше, и после очередного удара судье придется отсчитывать мне нокдаун. Пить чай в таком положении было решительно неудобно, и я поставил кружку.

– Ооох, – застонала она, чуть откинувшись и закусила губу. Почему-то именно этого зрелища вынести я не смог и снова кончил. Она прижала мою голову к своей груди, а я схватил ее за полужопия, и так мы сидели какое-то время. Сиськи были очень вкусными на запах. Хотелось нюхать и нюхать

их, и это было блаженством. Жаль, ноги затекали, все-таки Настя весила не меньше пятидесяти пяти.

Ее лобок был аккуратно пострижен, и он приятно щеко-тал меня. Я уже собирался потянуться к кружке, как Настя впервые поцеловала меня в губы. Этот поцелуй был очень долгим, гораздо дольше, чем два предыдущих половых акта вместе взятые (прости, читатель, но тогда я умел трахаться строго по-Чехову).

Затем она встала и начала одеваться. Сегодняшний спектакль оказался в двух действиях. Оставалось надеяться, что труппа будет давать еще представления. Настя вышла первой, и убедившись, что лишних глаз и ушей не видно, шёпотом позвала меня.

Я не знал, как попрощаться – целоваться на посту было уже нельзя, просто подержать за руку не годилось. Слов подходящих тоже не нашлось. «Ты отлично трахаешься» было правдой, но какой-то непроизносимой. Просто показать большой палец? Тоже так себе.

– Спокойной ночи, – произнесла она негромко. Искренне.

– Спокойной! – я махнул рукой, отвернулся и зажмурился. Мало что в мире в тот момент имело значение. Но спать и вправду хотелось.

Мой жизненный календарь сложился незамысловатым в то время – три серых дня и затем одна яркая ночь, в которой оргазмы взрывались на манер вражеских снарядов при ковровой бомбардировке.

Следующим днём выписали Зайцевых. Назревавший конфликт разрешился сам собой. Остальные больные были не в пример коммуникабельней и дружелюбнее. Не говоря уже про необычного деда Шитикова, который к концу второго года службы умудрялся штопать носки черпакам. На соседней шконке обитал слон Вася, повар и просто весельчак. Все руки его были покрыты экземой, и я ежился, представляя, как он всю труху с рук отшелушивает в компот или, скорее всего, в борщ.

Был еще щербатый старшина, но с ним вопрос решился быстро. От нашего училища по госпиталю дежурил патруль. Наряд считался ближе к элитным и потому ходили в него только старшие курсы и очень изредка молодежь вроде нас. Так вот еще через день, когда мы прожигали послеобеденное время за просмотром телевизора, в отделение зашел Макс, мой однокурсник. В этот раз большой наряд на нашу роту пришелся на субботу, и потому старшие курсы разбрелись по увольнениям, оставив нам даже такие вкусняшки, как патруль по госпиталю.

– Ну чё, малой, – пробасил Макс, – никто тебя не обижает тут?

В Максе было, как в электрической розетке – 220, даром, что сантиметров. Он был добрым, но мог прятать свою доброту так глубоко, что окружающим казалось, что он ест людей на завтрак.

Мне даже отвечать ничего не понадобилось – просто под-

нялся, и мы пошли покурить на территорию. Я был пассивным курильщиком, но и просто попиздеть на лавочке, узнать новости, было здорово. Старшину выписали дня через четыре, но в каждый из этих дней он старательно делал вид, что меня не существует в природе.

Настя стояла у окна спиной ко мне. Волосы спадали по плечам, и вместе с ними спадал халат, и он, в отличие от волос, очень быстро свалился на пол. Меня переполняло желание, это было видно невооруженным взглядом, но я стоял и пялился на ее формы. Это было очень красиво эстетически, но очень хотелось тактильности.

– Возьми меня! – сказала она.

Я бы и рад был, но презерватив не хотел никак натягиваться. Бывает иногда такое, то со штанинами, то с рукавами. Сейчас вот с номерным резиновым изделием. Она стояла спиной, а потому не видела моих мучений и не пыталась помочь. Надо было поторопиться, пока она не подумала чего.

Наконец, удалось. Я без прелюдий и серенад нагнул ее на подоконник и вошел сзади. Ее ноги были длиннее, и потому мне пришлось встать на носки, напрягая икры. Так я мог быстро устать, а хотелось в этот раз проявить себя настоящим героем-любовником. Поэтому смотрел поверх ее головы на пирамидальные тополя, высоченные, подпирающие

небо. Их было четыре и все они в лунном свете напоминали «Восток-1». Подумал про Гагарина, о том, каким он парнем был. Да о чем угодно, только не смотреть на ее жопу и выгнутую спину. Даже за грудь не стал хватать, только бы не кончить раньше времени.

Но тут Настя подалась бедрами мне навстречу. «Он сказал «Поехали!» – успел подумать я и кончил. Настя мелко подрагивала, и я не знал, хорошо это или плохо. Решил, что хорошо. Теперь можно было прижаться к ней и помять груди. Я не выходил из нее и немного поерзал. Настя стонала и чуть не опустилась на пол – ноги не держали. Тут и пригодился я, мыча и крепко держа ее.

Захотелось чаю, и это становилось традицией. Сделал сам, пока она откинулась на кушетке, блаженно улыбаясь. А потом она положила голову мне на плечо, и мы потягивали горячее черное пойло из кружек, крепкое и без сахара. Я рассматривал комнату сестры-хозяйки, благо наконец-то было на это время. Ничего особенного, противоположная стена терялась за рядами стеллажей, но мое внимание привлекли не они, а старый шкаф, притулившийся между кушеткой и столом для глаженья и прочих дел. Он был потрёпанным временем, деревянным, местами иссохшим, перекрашенным раз двести. Створки со стеклами, отмеченными каплями краски – красили-то наверняка больные. Мне показалось, что кто-то внимательно изучает меня по ту сторону стекла. Если честно, еще во время соития у окна по-

чувствовал на спине взгляд. Не тяжёлый, но пронзительный. Глупость, конечно, не придавал значения, но теперь, в тишине ощущение нарастало.

– Не считай меня мнительным, – наконец произнёс я, – но меня не покидает чувство, что за нами наблюдают. Оттуда.

Я показал пальцем на шкаф.

Настя почему-то улыбнулась и отстранилась. Ну добрый вечер, подумалось мне, сейчас она скажет «выходите, господа журналисты», и оттуда вывалится съёмочная группа кубанского телевидения. Будут фотографировать меня с членом наперевес и брать автографы, а я на камеру как-то не очень, теряюсь, в общем.

Вместо этого она подошла к шкафу и отворила дверцу. За ней стоял одинокий скелет. Пустые глазницы, дырявые ноздри, болтается челюсть, ключицы, ребра. Все, как положено, но не до конца. На гипсовом черепе красовались бакенбарды и очки.

– Что за элтонджон? – изумился я. – Вольная интерпретация Гамлета?

Настя выкатила скелет вместе с подставкой и села рядом со мной.

– Неудивительно, что ты почувствовал его взгляд. Мы тоже чувствуем, по крайней мере я – точно. И девочки говорят...

– Пиздят ваши девочки, – неуверенно сказал я. Показа-

лось, что скелет неодобрительно качнул головой. Он был чертовски забавным – бакенбарды огромные – натуральный Элвис, и очки с круглыми стеклами – вылитый Леннон. Кажалось, он прокашляется и затынет Love Me Tenderили бах-нет чаю из моей кружки и заголосит Help!

Не случилось ни того, ни другого. Вместо Элвиса Леннона заговорила Настя:

– Аскольдович ведь совсем недавно в наше отделение пришел, два года как. Откуда-то с Кемерово. А до этого начальником был Фёкл Феоктистович, мировой человек. Врач от Бога, не меньше. Мог бы стать первоклассным хирургом, да не важно – любым специалистом – дано ему было. Нам повезло, он был венерологом. Мы дважды становились лучшим отделением в те годы. Так он частенько повторял одну шутку. «Пока я жив, – говорил он, – и пока я руковожу этим отделением, у нас никто не умрёт!» Само собой, в кож-венерологии сложно умереть. Но так уж вышло, его сгубила его же страсть – разбился на мотоцикле. На Харлее. Не удивляйся, что я знаю такие слова – он нам все уши прожужжал – мой Харлей, мой Харлей. Огромный, блестящий, а громыхал так, что весь госпиталь знал, когда Фёкл Феоктистович прибывал на службу. Он шел в косухе и бандане через весь госпиталь в отделение, местные не удивлялись, а вот видевшие впервые шарахались и гадали, где у него дробовик.

И вот, после похорон Марковна стащила в терапии это учебное пособие, и мы порукодельничали немного. Да, Фёкл

Феоктистович теперь не очень живой, но по-прежнему в нашем отделении, и мы надеемся, что он останется единственным скелетом, и что примета будет действовать. Глупость, конечно, но от этого спокойнее.

Глупость это или нет, я не сразу для себя решил, а потому не нашёлся с ответом. Но что я могу сказать наверняка – теперь каждый раз, когда мы с Настей уединялись на коитус, я ловил его немой укор. «Неправильно ты, дядя Федор, медсестер ублажаешь, – говорил он нараспев, – надо их клитором на язык класть». От такого можно было и половую дисфункцию получить, было б мне не шестнадцать лет.

Сегодня мы выдали ночную пьесу в трех половых актах. Я был готов еще, но Настя хотела спать.

– В следующий раз я покажу кое-что, – шепнула она и я поплёлся в палату.

– Мы тебя выписываем, – сказал Аскольдович. – Ремиссия наступила, проблем не вижу. Да, готовьте его на завтра. А лучше сегодня.

Старшая сестра записала что-то себе в тетрадь.

Это было несправедливо. Завтра дежурит Настя, и мы будем трахаться и пить чай. Она обещала фиников в шоколаде. А Фёкл Феоктистович будет поправлять очки, и рассказывать мне, что я делаю фрикции неполной амплитуды, и мой

дилетантский подход зачастую не приводит к оргазмам партнерши.

На все мои доводы, что сейчас самочувствие еще паршивое, но за два дня оно стало бы намного лучше, его не убедили. Я был чертовски серьезно настроен в тот момент, ведь перед выпиской не натрахнешься, и даже старшая сестра неожиданно встала на мою сторону, но аргумент Аскольдовича перевесил все:

– Надежда Марковна, вы новости смотрите вообще? Борт будет не сегодня завтра, а то и не один. Где мы всех разместим? Дома у меня или у вас?

Сестра-хозяйка через час выдала мне форму, и я в последний раз присел на кушетку. При свете дня ее кабинет выглядел светлее, но более уныло – не было загадки, ауры лунного света, и Фёкл Феоктистович походил на обычного обитателя чулана, отгороженного от мира мутным стеклом. Я подмигнул ему, он мне – нет.

Впервые в жизни я был настолько не рад выздоровлению. Больничные, чтоб откосить от контрольных в школе – не в счёт. За мной пришел дневальный, Паша, любитель попиздеть, и класть при этом руку на плечо. Еще больше он любил только шарить по чужим тумбочкам в поисках крысиной наживы.

Из ветра средней паршивости авиадиспетчер – желто-красные кленовые листья то и дело прилетали мне в лицо, ворошились под ногами, а я пинал их в бессильной злобе.

В девяносто девятом мы были на пороге глобальной телефонной мобилизации, но этот порог простой курсант мог перешагнуть года через два, не раньше. А пока я не знал её домашнего адреса или телефона, и имел призрачный шанс заступить когда-нибудь в патруль по госпиталю. И особенно тоскливо было от того, что мы даже не попрощались.

– Ну и зачем ты тут такой красивый нужен? – спросил взводный. Прошел месяц с моей выписки. Я вернулся было к полноценной службе, но постепенно опять началось обострение. Ситуацию могли выправить мази, которые мне прописали, но я их не использовал, поэтому они не помогли. Кто-то мог бы подумать, что я пытаюсь откосить, но на самом деле я думал только о самих знаете чём. И вот этот день настал. – Иди в санчасть. Бля, и как же ты дальше учиться будешь?

Меньше всего я тогда думал, что если опять попаду в госпиталь, меня могут и комиссовать. Сами понимаете – мнящие бессонные ночи в сестринской с Настей и всё остальное, в том числе здравый смысл – вещи взаимоисключающие.

До нового года оставалась неделя, но даже перспектива вместо увольнения провести новогоднюю ночь на больничной койке меня не пугала – вдруг Настя будет дежурить, и мы будем трахаться под громохание салюта и есть мандарины,

запивая шапманским.

Все прошло по отлаженной схеме. Я возвращался в госпиталь, как человек возвращается в родные края после многолетнего отсутствия. Подмечает изменения, сопоставляет увиденное с картинками, услужливо подбрасываемыми памятью. В коживене из моих знакомых остались только врачи и медсёстры – с больными отношения предстояло выстраивать заново. Мои опасения, что Настя уволилась или с ней что-нибудь случилось, не оправдались – она дежурила завтра и я предвкушал встречу. Ребята в палате попались душевные, не залупастые. Явных мастеров выстраивать конфликт на фундаменте из ничего в палате не оказалось.

Старшина отделения любознательно решил провести экскурсию, а заодно поставить меня на место.

– Миша! – протянул он руку. Я пожал. Он походил на Мишу, как залупа на огурец. Но завтра я увижу Настю, а в такие моменты я всех люблю, и мир мне весь, как братья и сёстры. И даже Миша. Росту в нем было метр восемьдесят и что-то в его облике было от Пифагора. Может быть то, что он был равен во все стороны – те же метр восемьдесят в ширину. Огромное волосатое чудовище – про таких говорят «носитель первобытной силы». Про Мишу можно было добавить «носитель первобытного интеллекта». Долбоёб с претензией. Он видел, что меня знает весь персонал, и что мне рады (а чего – жопу я шторами не вытирал, с этикетом знаком, не блевал на докторов, в самоходы не ходил), а потому сво-

им долгом посчитал показать мне, что он, сцуко, старшина отделения, и он тут сила ояебу какая. Наверное, так у них в ауле всё и происходит.

Под Новый Год бои в Чечне стали ощутимо более ожесточёнными, раненых было много, в большинстве отделений койки ставили в коридорах, и только кожвен не трогали – санитарные нормы и репутация. Концертов стало совсем много, а гуманитарная помощь текла рекой.

После обеда побывал на четырех выступлениях. В качестве подмоги для фронта нёс в палату огромную головку сыра. И это после первого концерта. Затем были три палки шикарной копчёной колбасы. Я столько сервелата в одном месте не видел никогда, если честно.

Но ярче всего в память врезался другой эпизод того дня. Кроме детишек, водивших хороводы и мини-казачьих хоров в колоритных одеждах, распевających про шашки, бурки, коней и нагайки, приехала почти настоящая рок-группа из Афипского. Пели говно про говно, унылым голосом и не утруждая себя попаданием в ноты.

А в первом ряду сидел парень, которого я помнил по своему первому лечению. Тогда он передвигался в коляске, сейчас уже на костылях. Вскарabкался на сцену и попросил гитару. И пел он ни разу не про уезжают в родные края и не про река жемчужная течёт. Вообще, та песня имела весьма опосредованное отношение к армии, к российской – тем более. Он пел «Rare me» притом настолько точно попадал в инто-

нации Кобейна, а электрогитара в его руках звучала инструментом чистого искусства, а не Афипской бензопилой, что хотелось просто сидеть и слушать. Что я и делал в общем-то.

Вечером в палату откуда-то притащили гитару. Играли все чуть хуже, чем хуево, поэтому хедлайнером выпало быть мне. Конфликт спроса и предложения родился быстро. Дембеля хотели Петлюру, я пел Васильева и Самойловых. В итоге сошлись на Фантоме. Аюпов, контрактник с посеченной осколками спиной, разливал деликатесы – одеколон и воду с вареньем. Это был первый (и единственный в таком роде) мой тесный контакт с отечественной парфюмерией, а всем понравилось. Далее наступало время традиций. Например, у Кинчева последней песней концерта частенько можно услышать «Мы вместе», а мой друг Толик всегда заканчивал словами «Всё, блядь», клал голову на стол и спал до утра. Я решил исполнить «Генерала», тогда он был мне особенно близок, ведь между припевом и вторым куплетом мы впервые соприкасались с Мариной на детской площадке.

Утром пришла Настя. Она задорно рассказывала на посту какой-то утренний случай в троллейбусе. Я просто лежал на койке в палате и радовался тому, что слышу ее голос. Последний раз я так рад был слышать чей-то голос, когда мне было четыре года, и мама задерживалась на работе, а отец пошел отмечать вечер пятницы с друзьями, потому что распорядок дня в армии – святое.

– Сиди, сынок, смотри телевизор, – улыбнулся он, и за-

крыл дверь.

Мне четыре, за окном чернь декабря, в телевизоре «Сказка странствий». Миронов отгоняет горячей веткой Чуму, и я понимаю, что вот-вот обосрюсь.

И мамин голос из коридора (я даже не слышал, как она открыла дверь – такой саспенс, мать его). Бросился к ней на шею, и долго не слезал. И вот сейчас второй случай – я слушаю Настин возбужденный и возбуждающий голос и хочу выскочить из палаты и обнять, и расцеловать, но вместо этого чешу яйца и представляю ее лицо, когда она просмотрит список вновь прибывших больных.

Это случилось быстро, минут через десять. Настя заглянула в палату и оглядела находившийся там сброд – меня, усатого контрактника Аюпова, и спящее тело, с которым я не успел познакомиться.

– Опять к нам? – не подав виду, спросила она. – Не вылез чился?

– Не отпускает, – пожал плечами я. Мы оба поняли, о чем я. Аюпов вдевал нитку в иголку, одновременно ковыряя в носу мизинцем, эстет. Я же смотрел на Настю, и видел ровно то, что хотел – ничего не изменилось.

– Вечером на клизму! – она вильнула задом, выходя.

Никакой клизмы не было, но ждать пришлось долго. Ми-

ша-утырок, посланец гор, сидел на посту и пытался заигрывать с Настей. Мне было неприятно, но смешно. Он складывал известные ему двадцать русских слов в комплименты, путая падежи и очередность частей предложения.

Он то и дело поглядывал на меня искоса. Пару раз на табарбарском пытался отправить меня спать. Я делал вид, что не понимаю его, и это было почти правдой, и что мне индифферентно, что оказалось тоже недалеко от истины. Наконец, он сдался, и ушел в палату.

Я успел прочитать еще две главы, прежде чем Настя решилась.

Меня ждал сюрприз. Едва мы оказались за закрытой дверью сестринской-хозяйской, как Настя опустилась на колени и, спустив с меня больничные штанишки, заглотила мой член. У каждого из нас, есть любимые писатели или поэты, но даже в их творчестве нам, как правило, какие-то произведения нравятся больше остальных. Так и здесь – сразу было понятно, что из меня нравилось Насте больше всего. Ни здрасьте, ни до свидания – ам, и все дела.

И тут меня ждал второй сюрприз. Бывают такие автомобили, которые внутри оказываются гораздо более просторными, чем кажутся снаружи. Так и с Настиной головой – никогда бы не подумал, но мой член поместился в ней целиком, по самые яйца. Я даже чуть наклонился и с недоверием посмотрел на ее затылок – ничего, все внутри. Как ни крути, а техникой монгольского горлового пения она владела в со-

вершенстве.

Еще я, как ни стараюсь оставаться серьезным, когда мне очень смешно, быстро начинаю ржать. Аналогично, как ни держался оминечиваемый я, оргазм пришел быстро. Я не был уверен, надо ли предупреждать об этом Настю, а потому не стал, и кончил ей в рот. Настя, по-моему, обиделась. Но обиду не проглотила, а сплюнула в умывальник.

Момент становился неловким, и ее надо было отвлечь, но у меня в тот момент не было ничего примечательного, кроме члена и чувства юмора. Шутки в голову, как назло, не шли. Пришлось болтать членом.

– Дурак! – сказала она и рассмеялась. – Чай будешь?

Чай был вкусный, краснодарский, байховый, низший сорт.

А потом она лежала на животе на кушетке, а я, пристроившись сверху и совершая фрикции, вспоминал слова Марсельезы, чтоб продлить акт. Неожиданная идея сама пришла в голову, и я запел. Не Марсельезу, конечно, а Трофима.

– Ветер в голове, а я влюблённый!..

Получилось так себе, хоть и неожиданно для нас обоих. Её взгляд сказал всё без слов об уровне моего интеллектуального развития, но я был сверху.

А потом мы опять пили чай.

Отдохнув, я надумал взять ее на руки, как видел в одном фильме, Геракл недоделанный. Трахаться было неудобно, но и сказать, что она тяжелая было нетактично. Сноровки

хватило на то, чтоб донести ее до подоконника и посадить.

– Ай! – вскрикнула она. Не оргазм – заноза.

Я думал про Фёкла Феоктистовича в шкафу, не стыдно ли ему за мою технику и самоотдачу? Потом вспомнил вчерашний концерт, Rare me, поразмышлял на тему взаимоотношений Кобейна с Кортни Лав, и не пела ли она в его член по накурке? Этого хватило почти на двадцать минут, и Настя посмотрела на меня другими глазами.

Конечно, в госпиталях это в порядке вещей – когда старые медсестры, которым через несколько лет стукнет тридцать, используют для плотских утех юных мальчиков, только-только перешагнувших шестнадцатилетний рубеж, но всё же мне в каком-то роде повезло. Настя не только пользовалась мной, как трахометром, но и давала сексуальное образование – что надо делать с клитором, куда давить, что тереть, где водить языком.

Так неоконченное высшее каждый раз становилось оконченным.

Мы трахались, планета вертелась.

Декабрь за неимением снега поливал город дождём, минорный плакса.

К Новому Году носители гуманитарной помощи как с цепи сорвались и приносили столько жарчки, что бедные бой-

цы, уцелевшие после вражеских пуль и гранат, могли погибнуть от обжорства. В порядке вещей было, когда в палату заходили люди в белых халатах и спрашивали:

– Сколько вас?

– Шестеро, – следовал ответ.

Они молча ставили шесть блоков с шоколадками – марсами, сникерсами и прочей ересью – и уходили. Даже Аскольдович, иногда проводивший шмоны, в первое время отбирал все ништяки, потом только лучшие, а в итоге забросил совсем.

Тридцать первого после обеда провернули очередную аферу. Нарядили наиболее ответственных лохов в парадно-выходные убогие халаты. Далее они лезли через забор, прикидывались ранеными в боях, ходили по соседним девятиэтажкам и выпрашивали вкусности, чтоб другие больные, лежащие, могли достойно отметить светлый праздник. Лежащие авторитеты, к коим затесался и ваш покорный слуга, в итоге получили три бутылки отличного коньяка, шампанского, один неплохой коньяк, сервелата столько, что можно было вооружить полк колбасных войск, если бы он существовал. Мандарины и виноград, окорок, фисташки. Это был пир.

Телевизор показывал один канал круглосуточно. MTV совсем недавно распахнул свои двери для всех желающих на российских широтах на российских же частотах, и больные не хотели слышать и видеть хоть чего-то другого кро-

ме клипов, сисек и жоп, всевозможных двадцаток, тридцаток и пятидесяток.

Скажу по себе – это и вправду было свежо и интересно – много музыки, хорошей и разной, Бивис и Батхед и чёрт его знает, что ещё.

Мы начали бухать около семи вечера, как только все врачи разошлись. Дежурный по госпиталю приходил в десять, обозначил время отбоя – полночь.

– Ровно в двенадцать, и ниибёт. – сказал он.

Миша был ответственный, и попытался всех разогнать. Спорить с ним никто не хотел, но и спать уходить – тоже.

И неожиданно он набросился на меня. Устно, конечно, но всё равно неприятно.

– Моряк, иди спать бя!

– Схуяле? – спросил я. Формулировку выбирал тщательно, политкорректно.

– Я так сказал!

– М-м... – понятиливо кивнул я и продолжил пялиться в телевизор.

Сегодня дежурила не Настя, иначе я был бы заодно с Мишей в стремлении разогнать толпу. А так – всё равно. Двадцать пять или около того рыл пялились на нашу полемику.

– Пойдем, выйдем! – наконец выпалил он.

Стало грустно. Я уже описывал Мишу – волосатый шкаф с большим лбом и маленькими глазками. Русским языком он владел в разы хуже, чем кулаками – однажды, когда На-

стоя на посту сексуально заполняла журнал, я листал истории болезней, и видел его карточку. Мишу звали Мухаддин. Вот на Мухаддина он был похож, и сейчас этот Мухаддин хочет со мной выйти из отделения, чтоб один на один обсудить накопившиеся проблемы.

Мы оказались на лестничной площадке слишком быстро – не прошло и десяти секунд. Он тщательно закрыл дверь, будто я попытаюсь забежать обратно в отделение. Если вам когда-нибудь доводилось выходить на бой с бульдозером, вы понимаете мои тогдашние ощущения. Муха мог просто обнять меня и сломать все ребра. Бить его кулаком, например, в лоб – извращенный метод самоубийства.

И тут он вправду заговорил:

– Ты чего творишь? – коряво, но лексически правильно спросил он.

– Телевизор смотрю, – решил я брать логикой.

– Эээ, не телевизор дело, – махнул рукой он. В лицо резко посвежело, ибо ладонь напоминала волосатую лопасть. – Они все, – он еще раз махнул лопастью, – смотрят на тебя и делают, как ты. Иди спать, и они пойдут.

Диалог с Мухой был сродни диалогу с Фёклом. В том смысле, что каждый оставался при своём, и при этом – никакого мордобоя.

– Полчаса. – сказал я. Или он будет меня бить, или теперь всё будет так, как я скажу.

– Хорошо, моряк, но через полчаса ты сам всех отправишь

спать.

Это было торжество разума над волосами, покрывавшими сто десять килограммов мяса.

Через полчаса я сам выключил телевизор, и все молча разбрелись по палатам. Занавес.

В этот раз меня вылечили быстрее. Календарь был к нам благосклонен – последнюю ночь в кожвене я провел с Настей. Правда, здесь надо упомянуть еще об одном случае. Выписка случилась во вторник, а утром понедельника поступили новые больные. В коридоре я столкнулся с двумя из них, и особого энтузиазма мне это не добавило. Сестры Зайцевы, похоже, даже болели всегда вместе.

Два бородатых младенца неприязненно смотрели на меня, я отвечал им взаимностью. Говорить первым не хотелось, и я пошел по своим делам. На самом деле никаких дел (простите за тавтологию) у меня не было, но если бы были, то очевидно в другом месте.

На обед я не ходил – хватало вкусок в палате – а после обеда вызвался помочь Насте с переносом таблиц из одного журнала в другой. Мы сидели рядом и думали каждый о своем.

Точно так же спустя десять часов мы в комнате сестры-хозяйки на кушетке трахались каждый о своем. Я пытался най-

ти выход из ситуации, но не мог. Она жила с мамой и маленьким сыном. Я – сопляк, курсант, который кроме каждой четвертой ночи мало что мог ей предложить. Даже просто трахаться теперь было неосуществимо. Не вести же ее на хату, которую мы снимали впятером – такое даже предлагать не хотелось. А кроме этого нас ничего не связывало. Разве что я любил Марину, с которой у меня был шанс построить нормальные отношения, а она была вылитой копией Насти или наоборот.

Это был светлый, грустный секс, неторопливый, как жующий ленивец, и мелодичный, как творение Леграна из «Шербурских зонтиков». И даже Фёкл Феокистович, казалось, пустил скупую мужскую слезу.

Не попили даже чаю, как она выпроводила меня спать. Перед самой дверью остановила и впилась губами.

Мы целовались, жадно хватая воздух носом, чтоб не прервать образовавшуюся душевно-ротовую связь.

А потом меня ждала палата и крепкий, но короткий сон. Так мне казалось.

На моей кровати кто-то сидел. Третий час ночи. Заблудился он, что ли? Да их тут двое!

Да, это были сестры. Они поднялись, оба. В этот раз я не совершил ошибки и держал их в поле видимости.

– Прятался? – спросил один. – От нас не спрячешься.

Сопалатники просыпались. Пока молча наблюдали за развитием событий.

– Забыл? – спросил второй. Лучше бы не спрашивал – я никогда ничего не забываю. К равнодушию и меланхолии присоединилась злость. Я никогда никого не бил первым – везло, просто не попадал в такие ситуации, когда не оставалось выбора – и до сих пор могу этим похвастаться. Но тогда был готов.

– Ты никто, и звать тебя никак! – вновь взял слово первый и подкрепил его ударом в грудь. Воздух куда-то делся, я сделал шаг назад. Зрители проснулись окончательно. Зайцевых было больше количественно, и суммарной массой тоже, но качество не всегда измеряется в этих величинах. Я почти без замаха, но по хорошей дуге засадил ему правой в ухо. Чванк! Мясистый отросток на его голове принял мой удар благосклонно. Второй оторопел, и я замахнулся на него. Тот отступил – реальность менялась на его глазах, руша стереотипы. Это долго не продлится, очухается первый и второй придет в себя, так что действовать надо было быстро.

Но не сложилось. В палату влетел Миша и раскидал Зайцевых к разным стенам. Простые тычки ощущались ими, наверное, как удары дизель-молота для забивания свай. Кто-то включил свет.

– Чо за хуйня? – спросил волосатый старшина. – Тут заняться нечем больше вам? Драться ночью захотелось?

Я стоял и улыбался. Грустно, наверное, когда никто, да еще и зовут которого никак, берёт и лопаёт вам барабанную перепонку. Один Зайцев присел у стены, как артилле-

рист у орудия, или радист в окопе, обняв ухо в недоумении. Звенело у него там или была полная тишина, было неважно. Второй по пути к противоположной стене наткнулся на стол и потирал теперь содранный бок.

– Миш, – обратился к нему я, – это называется – ночное воспитание дебилов. Можешь ограничить им передвижение на ночь? А то поубиваю их к хуям...

Главное в тот момент, когда даёшь невыполнимые обещания, делать это спокойно и уверенно. Спросите у того же Порошенко, если не верите. Зайцевы, преодолевая боль, душевную и физическую, сверлили меня злобными глазками из-под пышных ресниц. Но между нами стояла машина-опиздюлитель «Мухаддин» в комплектации «Bear edition» с пакетом для тупых голов, и это гарантировало перенос дебатов. У меня был козырь в виде утренней выписки, у них – многие дни сожаления, что не пришли тогда же под утро и не отхучили меня.

– Не болей, – сказала Настя утром. Я стоял в шинели и шапке, ждал дневального, который меня заберёт. Часто происходят вещи, которых бы нам не хотелось. Иногда два человека делают такое, чего им не хочется обоим. Но даже в таких мелочах закаляется характер.

Хорошо, что я не дебил. Это правда прекрасно. Несмот-

ря на почти половину пропущенных занятий, я без проблем сдал сессию. Оставался последний экзамен, и привет дом. Две недели, из которых шесть дней предстояло провести в поезде.

Я увижу Марину.

– А знаешь, как я классно трахаюсь теперь? Настоящий мачо, как в кино или пошлых книгах! – скажу я ей. – Хочешь пробник?

Ну, или что-то в этом роде.

Я многократно вспоминал наше прощание. Да, это было сложно – состояние «в говно» не способствует улучшению памяти, но тот поцелуй стоит особняком. Это, как выиграть джек-пот, не покупая лотерейного билета.

Но в дело опять вмешался фатум. Несколько дней назад в карауле меня продуло, пока я бдел на посту, спя на бронежилете. Воспалился лимфоузел. Из бравого и бодрого курсанта я превратился в такого же, но с недеklarированной возможностью обморока, что и продемонстрировал на одном из построений. Я, конечно, вовсе не хотел ни в какие санчасти, ибо три дня до отпуска. Дома и стены лечат, говорил я всем, хотя шишка под основанием нижней челюсти достигла размеров кулака. И вот, после крайнего экзамена, на котором, к слову, я ничего кроме темноты уже не видел, и слабо ориентировался в пространстве, но всё же сдал на «хорошо», Андрюха, он же совесть взвода, он же шило в жопе взвода, под руки потащил меня к врачу. Тот, целый

капитан медицинской службы, умел ставить клизмы и лечил любые болезни двумя мазками зеленки, Дали недоделанный.

– Я не могу так сразу поставить диагноз, – хмыкал он, – тут нужны анализы, обследования...

– И нормальный врач, – закончил негромко Андрюха.

– Так что чеши в госпиталь, – представил свою версию окончания мысли глуховатый медик.

В этот раз радости не было, ибо отпуск – это отпуск.

– Тебе, сынок, светит небольшой пиздец, – это уже отоларинголог в госпитале, – неужели не ощущается?

То ли я внушаемый, то ли звёзды так легли, но по спине именно в этот момент действительно прошелся холодок пиздеца.

– Да-да, – говорю, – что-то ощущается такое. Дайте мне таблеток от него, родимого, я в отпуске буду их принимать.

– Какой тебе отпуск?! – даже воскликнул он, – ты натурально сдохнуть можешь по дороге. Интересная перспектива?

– Нет, если честно, – мотнул головой я.

– Гланды надо удалять срочно, – уже не глядя на меня, он что-то писал в карте, – и мозг заодно.

Вот за это мне и не нравится юмор медицинских работников – вроде и смешно, но только им. В медицинскую книжку записали мудренее, но по-научному – лимфаденит.

От досады и бессилия опустили руки. Автор сценария моей жизни показался мне в тот момент злым гением, а его

творение было похлеще «Ёжика в тумане». Я столько всего хотел рассказать Марине, а еще больше – показать.

– Извини, братан, – Андрюха пожал плечами, – я пойду. Надо сумку собирать.

Хуле сказать – друг.

Разместился со всеми удобствами в палате на шестнадцать человек. Сделал вид, что мне очень трудно говорить, чтоб не лезли с расспросами. После сдачи анализов залез на свою койку и уснул.

Так уж выходило, что отпуск мне придется проводить с Настей. Проблема только в том, что в кожен ночью мне хода не было. Подумал, что новым местом встреч могла бы быть комнатуха ниже по лестнице, в которой я впервые сделал Насе предложение поставить клизму. Надо будет обсудить это, но завтра – даже если она дежурит сегодня, в таком виде с несуразной опухшей шеей показываться на глаза не хотелось.

Ночью пару раз заходила медсестра, проверить, далек ли я от состояния «при смерти», а оно от меня. Наутро натошак посадили в каталку и повезли в операционную. Мне представлялось, что меня положат на стол, дадут нюхнуть что-то, а потом я проснусь без гланд и побегу к Насе.

На деле же, я так и остался сидеть. Накрыли передником, чтоб кровью не забрызгать больничный прикид, да еще на глаза натянули маску, в каких придворные дамы вертели лицами перед кавалерами на балах, а особо чувствительные

люди до сих пор в них засыпают, или надевают некрасивым подругам перед соитием.

Беда в том, что ассистент был рукожопым, и надел ее соответственно. Я всё видел – и шприц с иглой в полметра для местной анестезии, и такие же полуметровые щипцы, которыми доктор дистанционно держал мои миндалины в моем же горле, пока другой Бахметьев очумелыми ручками отпиливал мне их малюсенькой ножовкой-скальпелем на такой же длинной ручке. Потом первый, Эдик – руки-ножницы, выронил одну из миндалин, пока вытаскивал, и она упала мне в рот. Хорошо, мои руки были закреплены, как на электрическом стуле. Это разрядило ситуацию.

Потом была резиновая перчатка со льдом и улыбающаяся медсестра с рассказом, что мне повезло и обычно лёд подают в гондонах. Потом непродолжительный сон.

В послеоперационной палате лежать было не в пример спокойнее, но и скучнее – никаких пьяных дембелей с философией найти и отпиздить зёму, а то так по малой родине соскучился. Ни храпа, ни вони, да почти вообще ничего.

Второй плюс – никаких камбузов. Всё приносят на подносе, правда жидкое, как аплодисменты Петросяну.

Палата была рассчитана на четверых, но кроме меня там обитал всего один пациент – Генка. Из отличительных особенностей Гены выделить можно было только косноязычие и тупость. В свободное от госпиталя время он строил яркую, но непродолжительную карьеру танкиста-срочника. Го-

ворил он односложно и почти бессвязно, потому вести диалоги с ним было сколь неинтересно, столь и бессмысленно. У него было какое-то осложнение гайморита (а может быть, геморроя). Он приглашал меня посетить как-нибудь его село под Хабаровском, я с улыбкой отнекивался в стиле «да-ну-нах»

Но мой день сделал Андрей, как и подобает друзьям.

– Вот и ты, инвалид! – ворвался он в палату. Он всегда норовил делать резкие телодвижения, шевелиться стремительно и хаотично. – Ничего не отрезали по ошибке?

– Хочешь, проверь! – я потянулся к штанам с намерением приспустить, но он отказался.

Надо сказать, что день сегодня выдался грустным – отличники первыми уезжали в отпуск. Завтра начнут отпускать хорошистов, а послезавтра троечников. По всему выходило, что меня в отпуск будут отпускать примерно никогда.

Андрей извлёк из пакета коробку конфет.

– Тебе, раненый! Будешь грызть и меня вспоминать.

И это было правдой. Каждый, кому посчастливилось удалять гланды, знает, что несколько дней потом слизистая там, где были миндалины, а теперь дыры, очень чувствительная. Открытая рана, считай. И в то же время, многие в курсе, какие восхитительные конфеты – «Родные просторы». Да-да, это такие конусы, обсыпанные вафельной крошкой. Был ли в его действиях умысел, сейчас сказать сложно, но конфеты я в итоге съел, жадное чудовище. Откусывал по кусочку

и мусолил во рту. На каждую конфету уходило минут по десять, а коробки хватило бы до самой выписки.

Ближе к обеду я решился. Сюрприз – это не только две полоски.

Весь пролёт перед входом в кожвен был заставлен барахлом. Именно так идентифицировал бы груду хлама любой непосвященный. Но я прикоснулся к тайне, и видел, что среди прочего был и шкаф сестры-хозяйки. Тот самый, перекрашенный и разошедшийся. А перед ним в коробке вместе со старой настольной лампой и остатками стула лежал Фёкл Феоктистович.

Что-то случилось. Что-то определенно случилось.

Я присел на корточки и поздоровался с ним. Он не ответил. С моей стороны выглядело глупо, но я не мог этого не сделать. С его стороны было невоспитанным, но он, наверное, тоже не мог поступить иначе.

Вышла сестра-хозяйка, придержала дверь, и следом два больных вынесли стол.

– Вон туда! – показала она на единственное свободное место. Увидела меня, узнала. – Пэхэдэ наводим, генеральную уборку. Аскольдович новую мебель пробил, а от этого приказал избавиться.

– И от Фёкла? – спросил я.

– В первую очередь, – грустно кивнула она.

Я был уверен, что Аскольдович давно хотел от него избавиться, да не мог найти подходящего повода. Историю на-

верняка знал, и испытывал ревность, что ли. Хотя что можно не поделить с гипсовым скелетом, для меня оставалось загадкой.

Сестра-хозяйка скрылась за дверью, хотя какая она хозяйка, если не смогла сберечь реликвию? Настроение чуть потускнело, но не до критичной отметки конечно же. Что-то случилось, кольнуло в сознании еще раз. Чуть громче.

Настя появилась через несколько минут. Она обернулась, говорила с кем-то, потому не сразу увидела меня.

Остановилась в нерешительности. Я тоже заробел. Мир сдвинулся с места, сказал бы об этом Роланд Дискейн.

Я очень плохо читал тогда по глазам, разве что жесты чуть-чуть, но она совсем не жестикулировала. Мы стояли и смотрели друг на друга, может минуту, может две. Затем она, явно стесняясь, посмотрела нет ли кого поблизости. Поднесла указательный палец к губам, сначала своим, а потом моим.

– На этом всё.

Хуёвое какое-то получалось всё. Хуёвое и неправильное. Я стоял, всё понимая, но не принимая. Какое всё?!

Она улыбнулась самыми уголками губ. Чуть-чуть, и теперь её взгляд стал чуть более читаемым, словно киномонтёр догадался включить субтитры. Она смотрела на меня, как на племянника, что ли. Или на очень младшего брата. Но я-то воспринимал её, как женщину. Мою женщину.

Надо было что-то сказать, пренебрежительно-красноре-

чивое или наоборот обнадёживающе-мягкое, но я не был ни Реттом Батлером, ни мистером Бигом, ни хер его знает кем.

– Он позвал меня замуж, – добавила она.

Я себе такой роскоши позволить не мог, и мне стало интересно, кто он. Наконец нашел в себе силы улыбнуться. Все так же молча показал глазами на отделение. «Он тут»?

Кивнула в ответ. «Да, пациент».

Фёкл Феоктистович наверняка был свидетелем и не таких сцен, а потому не выказывал эмоций. Стало очевидным, что прощального секса не будет, но и уходить сразу не хотелось.

– Ну ладно, мне пора, – пожала плечами она, – анализы забрать надо, пока лаборатория не закрылась.

Я провожал её взглядом. Очень досадно что-нибудь терять. Грустишь, бывает, даже по забытым в общественном месте перчаткам. От меня же вниз по лестнице уходила женщина, подарившая мне путевку в большой секс. Она никогда больше не будет моей, а я, кажется, и так никогда не был её.

Спать не получалось. Усталый организм хотел отрубиться, но мозг не сдавал позиций. По-разному я представлял неизбежное расставание, но не так. И оказался к нему совсем не готов. Как пионерский лагерь, который кажется вечным и только в последний вечер смены на тебя накатывает откровение, что все блядь, сказка закончилась. Баста, карапузики.

Я ворочался, слушал храп Гены, пердел немного и сам. Вытащил из коробки конфету и ел её, не торопясь. Завтра непременно пойду в кожвен, посмотреть на того, кто опередил меня в этом соревновании. Хотя, узнай он, чем мы занимались с Настей в последние месяцы, наверняка думал бы обо мне то же самое. Но он не узнает. Не от меня.

За окном шум. Приближалось покашливание двигателей, скрип ворот, свет фар во внутреннем дворе. Очередной борт, машины привезли раненых. Встал с кровати, напялил больничное тряпье – сон всё равно в дефиците.

– Ну ёбвашумать! – расстроилась дежурная сестра. Со-страдания в ее голосе я не расслышал. Наверняка хотела поспать, а тут раненые, и полночи коту под хвост.

– Я помогу? – неумышленно подкрался я.

– Ой! – подпрыгнула она. – Ты рехнулся, так пугать?

Я понимал её раздражительность, потому снисходительно отнёсся к жуткому сквернословию из уст служительницы Асклепия, или кому там они поклоняются.

– Нет, – ответил я. И помолчав, добавил. – Залупа.

Я должен был найти с ней общий язык.

Она внимательно осмотрела меня, оценивая, не сбегу ли, если выпустить из отделения и заодно из поля зрения, и вообще, позволит ли мне здоровье что-либо делать.

– Пошли!

Раненых принимали в большом холле на первом этаже. Сидело подобие комиссии – дежурные врачи, их было обыч-

но трое, и медсёстры. Обязательно дежурил кто-то из хирургии, реанимации, а третьим, как правило был, дежурный врач всяя госпиталя, вне зависимости от знаний, умений и принадлежности к отделению. Его величество график дежурств.

Я был не одинок в своем стремлении помочь – то тут, то там сонные рожи больных – срочники. Ни контрактников, ни прапорщиков, ни офицеров. Подумал, а вот если бы я уже закончил училище и был бы лейтенантом (тогда старшие воинские звания были сродни желанию заглянуть за горизонт), пошел бы вниз или остался дрыхнуть в палате?

Решил, что пошел бы. Самые тяжелые больные летели в окружной госпиталь, в Ростов, но и здесь были серьёзно раненные. Один, с развороченной ступнёй, которую ни чемпион кубика-рубика, на мастер «лего» уже не приведет в порядок. Другой, с ранением в живот, с насквозь пропитавшейся кровью повязкой, сразу в операционную. Оружия при них уже не было, но патронов дохрена. При желании легко можно было насобирать на два рожка и никуда не сдавать. То ли распиздяйство, то ли просто усталость тех, кто должен за этим следить.

К нам в отделение всего один. Лежал и почти не шевелился. Аккуратно переложили его на каталку и подняли в отделение, в нашу палату. Если вы представляете себе космонавта в скафандре или водолаза в трёхболтовке, то именно таким был наш новый сосед. В пропорциях, но без шлема.

Его голова опухла, казалось, в разы, и шея тоже. Будто посадили огромный шар прямо на плечи. Ему угодил крупный осколок куда-то между затылком и правым ухом. Он почти не двигался, и каждое слово давалось с трудом.

– О-хо-хоюшки, – поставила диагноз сестра. Мы с санитарями аккуратно переложили его на кровать.

В хирургии за него братья побоялись, а вызывать нашего врача посчитали нецелесообразным. Я пообещал медсестре, что будем присматривать за ним до утра по очереди с Генкой, и она с чистой совестью ушла спать.

Раненый лежал и смотрел в потолок. Умные, живые глаза на огромной одутливой голове.

– Тебя как звать? – спросил я.

– А-ге-кхе... – промолвил он. Хрен его знает, что имел в виду. Может, спрашивал «а где все?», бывает такое – после ранения в госпиталях часто спрашивают про своих боевых товарищей.

– Не знаю, – честно ответил я. Хоть и говорят, что для душевного равновесия тяжелобольных и раненых надо наёбывать, я придерживался иного мнения.

– Гё-кха... – добавил он. Тут меня осенило.

– Алексей? – спросил я. – Лёха?

Он закивал. Движения, даже такие незначительные, давались ему с огромным трудом. Генка, непорочная душа, сказал, что с удовольствием подежурит во вторую смену, и уже храпел.

Я не буду запутывать вам мозги и передавать все звуки, которыми изъяснялся Лёха, только суть.

– Мамке бы не позвонили только, – он, не мигая смотрел в потолок. – У неё сердце слабое. А меня комиссовать обещали, не хочу обратно туда.

Я кивал и слушал.

– Вот приеду домой, то-то она обрадуется. А курить нет у тебя? Курить охота страшно.

Курить не было – только «Родные просторы». Предлагать конфеты не стал, сходил к соседям, разбудил там всех, но нашёл «Родопи» и спички.

Лёха всё так же лежал и смотрел в потолок. Я прикурил сигарету и дал ему затянуться. Так мы и провели следующие десять минут – он курил сигарету из моих рук, и я готов поклясться, что он улыбался в этот момент.

– Нас свои накрыли, – неожиданно сказал он. Так себе расклад, конечно. Я затушил окурок и бросил его Генке под кровать. Там всё равно чего только не было.

Сидел у Лёхиной кровати и ждал, что он скажет ещё что-нибудь. Не дождался – он уже уснул. Я сидел так до самого утра и слушал его дыхание. Генку будить не стал – из распиздаев плохие сиделки. Около пяти утра заглянула медсестра, я показал большой палец, и она облегчённо удалилась в полумрак коридора.

Я сидел, смотрел на Алексея, и думал, что прямо сейчас становлюсь взрослее. Это приятно – делать хоть что-то по-

лезное кому-то кроме себя. Думал, как он приедет домой, в Ростовскую область, и ждёт его там Маша или Даша. Они заведут детей и построят дом, и когда-нибудь я приеду в гости. Мы будем сидеть на террасе и пить холодный виски, Лёха будет рассказывать, как я его спас, а дети – заворуженно заглядывать нам в рот, то ли увлекшись историей, то ли желая отведавать односолодового напитка заманчивого цвета.

Горло болело, лёд в перчатке растаял еще вечером. Подумал было тоже закурить, но не стал.

Сон кружил надо мной, как Паночка в гробу, но я сдюжил. Пришел один доктор, второй. Моя смена подошла к концу, и я плюхнулся на кровать. То, как Лёху перекладывали на каталку, слышал сквозь жирную непрозрачную пелену сна.

Разбудил неугомонный солнечный луч. Настырно пробиравал мои веки снаружи, сволочь. Она сидела напротив, на Лёхиной кровати. Я узнал её, никогда не видел прежде. Алексею было не меньше восемнадцати, значит ей должно было быть около сорока, но выглядела она на тридцать. Даже без косметики, бледная, как тень отца Гамлета, с опухшими глазами. Заметила, что я проснулся и внимательно посмотрела.

– Вы – Лёшина мама? – спросил я.

Она кивнула.

– Вы видели его? Как он? – принялась засыпать меня во-

просами.

– Все хорошо, – уверенно солгал я. Не люблю пиздеть, но она не оставила мне выбора. – Пустяки.

Я посмотрел на часы – половина второго. Ничего себе, пустяки. Сколько же его там оперируют уже?

– Вы гордитесь им. – Я слез со своей кровати и сел рядом с ней. И это был не вопрос. – Он молодчина.

– Да он же мальчишка совсем... – горестно и как-то потерянно вздохнула она.

Я сидел рядом и смотрел на нее, взрослый блядь, на два года младше ее мальчишки-сына.

– Он – мужчина. Я бы гордился таким сыном.

Лёшина мама смотрела на меня с надеждой. Она верила мне, и я ещё раз подумал про силу слова. Наверное, она просто хотела верить, и мои слова легли на благодатную почву. Но ещё наш тренер говорил, что надо верить в успех или сдохнуть. Мы верили, и занимали последние места на областных соревнованиях.

– Я боюсь. – Она на мгновение закрыла лицо руками. Я попытался передать ей свою уверенность. Огромную порцию, больше, чем было у меня самого.

– Он звал меня в гости, – опять наврал я. – На свадьбу. И я собираюсь приехать.

Я улыбнулся, и она тоже, самыми уголками губ, но это была победа.

– Я схожу на процедуры, а когда вернусь, вы уже будете

с ним болтать, как ни в чем не бывало. Обещаю.

Взял полотенце и пошел в кожен. Надо было посмотреть на избранника Насти. Интересно, с чем он поступил в госпиталь? Представил картину, как он делает предложение:

– Анастасия, у меня гонорея, но это временно. Выходите за меня!

Хмыкнул негромко.

В кожене дежурила Майя. Миловидная адыгейка, насколько это возможно. Человеком она была хорошим, мне обрадовалась. Пока болтали за жизнь, выведал, что офицер в отделении лечится всего один, поступил с дерматитом.

Все возвращались с обеда, и я узнал его. Майор с кафедры, преподавал какую-то специальную дисциплину. У него были красивые аристократические усы и тонкие губы.

– Хороший выбор, – пробормотал я вслух.

– Чего? – переспросила Майя.

– Да пошло оно всё, – говорю, – пойду я к себе.

– А, ну да, иди, – согласилась она, не отрываясь от телевизора.

Там Земфира кого-то искала в новом клипе. Я вообще открыл для себя много новой музыки благодаря MTV. Остановился и досмотрел. Понравилось, и решил, что куплю кассету в ближайшем увольнении.

Настроение было паршивым, и я вышел из отделения. Новый хахаль Насти мне заочно не понравился, а зря. Отличным мужиком оказался, получил подполковника через год.

Они с Настей поженились, а еще через три года он стал моим дипломным руководителем. Без пафоса и пренебрежения, что редкость для офицеров училища, он заслужил уважение курсантов, и мне завидовали однокурсники – многие хотели писать диплом у него.

Как-то раз, перед выпуском, я передал через него привет Насте, сказал, что лечился у неё четыре года назад. На следующий день вместо обратного приветствия он передал мне, что она меня не помнит.

– Не обижайся, это неудивительно – четыре года прошло, а сколько там людей в госпитале лечится...

Я не стал его ни в чем переубеждать. Представил только, как мы сидим у них на кухне втроём. Борис Захарович (а его так звали) рассказывает, что в своей жизни не трахался ни с кем лучше Насти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.